

ТАТЬЯНА КАЛИНИНА

СПЕЦПОСЕЛЕНИЕ НЕЯСЫТЬ

18+

Татьяна Калинина

Спецпоселение Неясыть

<https://litres.ru/74356773>

SelfPub; 2026

Аннотация

В спецпоселении Неясыть жизнь течет по особенным правилам. Жесткий распорядок, тяжелый труд на лесозаготовках, нужда и смерть, которые стали ежедневными спутниками жителей. Но даже тут есть место любви, самоотверженным идеалам и надежде на будущее. Роман о репрессиях 1931 года, раскулачивании и судьбе тех, кто смог выжить в этой исторической мясорубке.

Содержание

От автора	4
Часть первая	7
Миша	7
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Спецпоселение Неясыть

От автора

История раскулачивания живет в каждом из нас. В каждом, чьи предки пережили разорение, смерть близких и потрясения лагерной жизни, на которую были обречены миллионы людей самых разных национальностей, социальных страт, жизненных воззрений и профессий.

Волна репрессий 1930–1931 годов почти не оставила следа в современной России. От простых крестьян, подвергшихся аресту и уничтожению, почти не сохранилось свидетельств, записей и книг. Эта часть истории, забытая и отверженная современностью, — часть семейной истории миллионов людей, и моя в том числе. Сосланные еще после раскола церкви старообрядцы, в 1930 году мои предки снова попали в спецпоселения, в Томскую область. Мне захотелось воскресить этих людей в книге, где их голоса расскажут новым поколениям о временах, которые забывать просто опасно.

История столетней давности представляет собой неотрефлексированный пласт внутренних установок и страхов. Мы принимаем их за наш собственный выбор, тогда как на самом деле через них с нами говорит опыт предков. Страх выделиться, стать зажиточным, отпустить от себя детей... Недоверие к этому миру и боязнь людей, обладающих вла-

стью, — все это опыт наших дедов и прадедов, который течет в наших жилах и предупреждает об опасности. История раскулачивания моей семьи помогла мне осознать множество внутренних представлений о жизни, которые ранее я отождествляла со своим личным выбором. Буду честна: от некоторых я планирую отказаться, другие — утвердились во мне еще крепче.

И все же я с благодарностью и вниманием принимаю то, что транслирует мне моя кровь, понимая, сколько за этим жажды жизни, отчаянного порыва справиться со всеми горестями, приготовленными народу советской властью.

Истории и судьбы в этой книге не являются вымыслом. Каждого из героев я нашла в метриках НКВД, рассекреченных в 1990-е годы, в свидетельствах и рассказах очевидцев, докладных записках и документах о волне репрессий 1930-х годов. Многие из персонажей появлялись в рукописи сами по себе. Они приходили в нее, пока мои руки в задумчивости зависали над клавишами, и рассказывали свои истории. Мне оставалось лишь внимательно прислушиваться к их немым голосам.

Сделать это было нетрудно. Иногда мне казалось, что я, сама не ведая как, заключила с ними сделку: они расскажут мне все, а я напишу об этом. Не потому ли, что я — прямой потомок преданных, изгнанных из своего дома людей, прошедших через все тяготы раскулачивания? Не потому ли, что моя жизнь — то, к чему они стремились: оставить на

Земле детей и внуков, которые будут жить в более прекрасном и современном мире?

Вряд ли он стал более справедливым, но мы живы, а значит, цель предков достигнута. Предлагаю вам эту книгу не как художественный вымысел, а как прошлое, случившееся с нашим народом менее чем сто лет назад. Этой книгой я призываю говорить всех замученных, забытых и ушедших в цвете своих лет. Пусть они расскажут через этот текст все, что им пришлось пережить, а я постотараюсь не соврать даже в мелочах.

Часть первая

Миша

В радостной спешке легко что-то позабыть и упустить из виду. Миша Ткаченко, бывший воспитанник детского дома ВЦИК, а теперь красивый и видный юноша, составил в угол у сцены актового зала инструменты для духового оркестра и принялся их пересчитывать. В тот день детский дом ВЦИК выезжал на все лето в пионерский лагерь, в прекрасный сосновый бор под Пушкино. Все этажи гудели возбужденными сборами и смешливыми возгласами. По коридорам носились дети разных возрастов, а некоторые уже собрали свои скромные пожитки в холщовые мешки и уселись группками в коридорах, ожидая выезда. Воспитатели настойчиво разгоняли ребятню по классам, откуда те вскоре возвращались на прежнее место, но уже в большем количестве.

На утреннем собрании Мише поручили сборы оркестра, и теперь все было подчинено одной цели — довести все в целости, ничего не сломав. Желтоватой медью сверкали трубы, задорные тромбоны и мелодичная валторна. Миша достал из кармана потертый блокнот, заложенный огрызком карандаша, и деловито прописал количество пригодных медных, деревянных и ударных.

Заведовал оркестром сам Георгий Иванович Хмелев, музыкальный педагог. Знаете, какой человек! В революцию, будучи еще совсем молодым, он выучился у своего дядьки игре на трубе и потом своим умением много добра сделал. Сначала — в полковом оркестре, потом — в «Труде и знамени». А как стал стареть — устроился в детский дом музыкальным воспитателем.

Георгий Иванович учил детей игре на безапелляционном, как революция, инструменте. Он садился на кругленькую табуретку, расставлял колени для устойчивости и что есть мочи раздувал щеки. Из трубы вырывался пронизывающий и рваный звук, и ребята замирали в благоговении. Воздух в классе оживал от натужного усилия легких, и протяжная труба побуждала к борьбе и славной победе:

*Наших сподвижников юные очи
Может ли вид эшафота пугать?*

На репетиции Георгий Иванович Хмелев приходил растрепанный, в примятых штанах и жилетке. Он появлялся в актовом зале минут через пять после начала урока, хитро шурился, видя, что ребята уже разобрали инструменты, и проходил на свое место между рядами мальчишек, по ходу тербя их по плечам и голове.

Миша всегда садился в первом ряду. Знал, что Иванович, проходя меж учеников, радостно погладит первого, кто по-

падется, и последнего — из жалости, как бы ругая себя за свое опоздание, а потом, ворча, начнет пересаживать всех, как требует того строй оркестра.

— Давно пора запомнить. Ты, Васька, тут. Рядом с Мишкой, — толкнет Иваныч мальчика. — А вы там трое? Бестии, сколько раз повторять! А ну, трубы вперед!

После выпуска, когда настало время определяться со своей судьбой, Миша не пошел на завод, а остался в оркестре, помощником Георгия Ивановича. Этот выезд в летние лагерь 1931 года под Пушкино был первым в его взрослой жизни. Дверь актового зала постоянно распахивалась, в нее просовывались лихие мальчишеские головы, чинно входили педагоги, чтобы провести, как идут сборы, и спросить, где Хмелев.

Не желая везти инструмент пыльным, Миша затеял чистку. Через минуту после пересчета инвентаря он набрал в ведро воды, бросил в него тряпку и уселся на ступеньки, сходящие со сцены актового зала.

Прищурившись в сторону труб, которые участвовали в репетициях ежедневно, он решил начать с них. Миша вскочил, принес из-за кулис большое сизое полотно, на которое можно положить уже чистые инструменты, и белоснежное хлопковое полотенце. Это был новогодний подарок руководства активу учителей, который Миша сразу определил для нужд оркестра.

Он аккуратно разложил перед собой полотно и любовно,

одну за другой, окунал трубы в эмалированное ведро. Протирал сперва по влажному, потом прочищал щеткой внутреннюю часть кроны и мундштук и напористо натирал тряпкой кулису... После — приходил черед мягкого полотенца. Миша скидывал его с плеча и тщательно промакивал каждую каплю, затаившуюся в складках и сочленениях инструмента. Любовно и бережно, как молодая мать вытирает младенца после купания. Белые пушистые петли вбирали в себя капли, оседая под их тяжестью, и вскоре в руках Миши оказалось уже влажное и непригодное для просушки полотенце.

Перед сценой на развернутом полотне оказались все медные духовые. Они шли аккуратными рядами в том же порядке, в котором их располагал Хмелев в оркестре.

К одиннадцати работа была кончена. Сухой и чистый инструмент Миша разложил по чехлам и сумкам и вынес к дверям.

Тут дверь неспешно распахнулась и из-за нее сперва послышался кислый запах водки, а потом показался Георгий Иванович.

— Ну как, одолел работу? — обрадовался он, разглядывая согнутую спину парня и мешки в углу. — Вишь, какой осознанный.

Георгий Иванович похлопал Мишу по плечу и вытер платком свой беззубый рот. На его одутловатом лице со значительным прямым носом и глубоко посаженными, заплывшими глазками, появилась улыбка.

— Георгий Иванович, здравствуйте! — вытянулся Миша.

— Все готово! Собрал. Помыл. Уложил.

Хмелев прихмыкнул и начал ворошить приставленные к стене мешки, ворча себе под нос: «Тромбоны... флейты».

— А тарелки, литавры где?

— Георгий Иванович, все по спискам, — вспыхнул Миша.

— Если вы хотите что-то найти, так вот, я все записал. Решал проблему поэтапно, как учили.

Но Иванович уже не слушал Мишу. Он вытряхнул из мешков трубы и валторну, перевернув их вверх дном, пока ему не сделалось дурно с похмелья. Он бросил дело и хлопнул Мишку по плечу с видом «ладно, сам разберешься...»

В приоткрытую дверь вошла Ольга Арсеньевна — высокая и прямая, как палка, женщина средних лет. Она носила такую же высокую прическу с тщательным начесом; ей по званию положено, как-никак заместитель директора по хозяйственной части. Ольга Арсеньевна взглянула на Хмелева, поджала губы и перевела глаза на Мишу. Взгляд ее смягчился, и она оповестила, что автобусы приехали.

— И мы уже готовы! — горящие глаза Миши выдавали восторг и волнение.

— Михаил, ты... Михаил Георгиевич, вы идите возьмите трех мальчишек. Пусть они вам тут все перетаскают в первый автобус.

Миша выскочил из зала так быстро, что Ольге Арсеньевне пришлось кричать ему вслед:

— На площадку, на площадку идите! Берите пятерых!

После этого она повернулась к Хмелеву. Интенсивный и затхлый запах перегара заставил ее приложить к носу рукав. Она с отвращением посмотрела на худрука.

— А вы смотрите, чтобы все забрали. Да сходите в столовую, попросите супа. Как вас в автобус с детьми сажать?!

Ольга Арсеньевна вышла, а Хмелев, так и не дождавшись ребят, побрел в столовую за гороховой похлебкой и суррогатным хлебом.

* * *

На улице перед входом в здание детдома Миша увидел пять красных автобусов с квадратными окнами, кокетливо выкрашенными белым. На крыше каждого красовалось круглое окошко с рисованной цифрой маршрута четыре.

Дети вывалили вперед, к автобусам, и галдели так, что хоть из пушки пали — никто не услышит. Водители недовольно морщились и щеголевато курили, ожидая, пока воспитатели наведут порядок в толпе. Пускать в автобус такой опасный элемент никто не собирался. Того и смотри, обшивку обдерут, пока толкаются.

В этом галдеже и в пыли, поднятой с каменной мостовой, Миша огляделся и нашел Сашу Васильева. Его кудрявую темную голову в фетровой фуражке он узнал бы и впотьмах.

Саша был сыном репрессированных, которые сгинули в первых рядах. Отец его был белым офицером и казаком. От него у Сашки темный, оливковый оттенок кожи, кудрявые

волосы, которые тяжело брить, и карие глаза. От матери, учительницы немецкого, — изящно тонкие руки и ноги, музыкальные пальцы и женская покорность всему, что предлагала Сашке жизнь.

Ткаченко и Васильев неразлучно дружили с тех пор, как попали сюда, деля на двоих горести и радости сиротской жизни. Так как Миша был на пару лет старше, ему не раз приходилось отбивать друга от толпы озверевших беспризорников, распределенных в их учреждение.

Миша не хотел уезжать, пока Сашке не исполнится шестнадцать. В августе ему должны дать выпускные документы, и они вместе наймутся на завод.

Миша стал проталкиваться между черных, как грачи, мальчишек, одетых в казенное. Их оживленные лица, предвкушение поездки, суета и хохот, идущий отовсюду, делали толпу одним существом со множеством рук и ног и с сотнями голов в черных кепках. Это существо колыхалось в летнем свежем воздухе, перекатывалось, как стая мелкой рыбешки, оставляя на мгновение пустоты и тут же заполняя их суетливыми сиротами.

Миша хлопнул друга по плечу и тот поднял на него задумчивый взгляд. Сашке никак не удавалось завязать узел на мешке, куда он сложил рубаху, смену белья, куртку и полотенце. Шнур скособоочило, — один конец его был слишком короткий, — и Сашка уже пять минут перебирал пальцами туннель из ткани, проталкивая сквозь него непослушную бе-

чевку, тянул за другой конец, чертыхался и хмурил брови.

— Чего ты тут копаешься? Пойдем, надо оркестр собрать, — Миша схватил узелок друга и в секунду уладил дело. — Вот! Теперь готово.

Тут первые пассажиры начали входить в автобус и рассаживаться внутри. Водители нервно осекали тех, кто толкался у подножки и наваливался на двери. Дети перелезали через спинки кресел, дрались за места у окон и со счастливым ликованием строили рожи тем, кто остался снаружи.

Миша и Сашка подошли к воспитателю, и та выделила им пятерых мальчишек на загрузку оркестра. Те, видя, что остальные вот-вот заполнят все пять автобусов, помчались в актовый зал со всех ног.

Там, на втором этаже, наевшись гороховой похлебки из столовой, дремал Хмелев на составленных вместе трех стульях. Рядом валялись распотрошенные мешки. Мальчишки, отправленные за инструментами, похватали кто что мог и выскочили из зала к автобусам.

Сбежав вниз по лестнице, они встретили Мишу, сбили его с ног и вывалили мешок с мелочью: флейтами, тремоло, тарелками, трещотками и треугольником. С какой-то невероятной скоростью они скинули обратно богатства оркестра, не обращая внимания на восклицания Миши.

— Подождите, эй, вы! Что еще у вас там в мешке?! — прокричал он убегающим мальчишкам, но они выскочили на улицу и уже пробивались к дверям автобусов.

Миша взбежал по лестнице и в открытую дверь актового зала увидел Хмелева. Тот спал на боку, сложив руки крестом на груди и подогнув колени.

— Георгий Иванович, где мой блокнот?

По лицу Хмелева пробежала досада. Он поморщился и открыл глаза.

— В кармане. В левом. Вот, — он хлопнул по карману, и Миша вытащил блокнот.

— А как же теперь... Вы никаких инструкций не давали?

Хмелев скорчил гримасу и ничего не ответил. Осмотрев все вокруг, Миша убедился, что весь инструмент забрали, и вышел.

* * *

На улице он посадил Сашку в последний автобус, а сам сел к воспитателям. Им предстоял путь до Брянского вокзала, сквозь весенние улицы Москвы, по набережной, где здания расступались. Где особенно вольно и торжественно небо опускалось на город, цепляясь за башенки, крыши и красные звезды Кремля.

Через сорок минут перед Мишей выросло здание вокзала, с его стеклянными решетчатыми сводами, белыми колоннами, двумя почти мусульманскими крышами холлов справа и слева.

Перед вокзалом толпились люди, поодиночке и группами, налегке и с чемоданами — все они торопились куда-то. Вдруг колонна остановилась. Группа из двенадцати человек

шла почти строем через площадь, низко опустив головы, и, наконец, перегородила автобусам путь. Они исчезли за тяжелой деревянной дверью, нырнув один за другим в свод здания.

Рядом со входом крутились три молоденьких чекиста. Выцветшие пальто сливались с цветом вокзальных стен и делали их неотделимыми от этого места. Они вырастали стоптанными сапогами из мокрой грязи, которой была покрыта площадь; их васильковые фуражки сливались с отражением

неба в окнах центрального холла, они щурились от яркого солнца бесцветными глазами. Как голодные волки, энкаушники присматривались к входящим в здание, время от времени толкая друг друга локтями. Завидев их, прохожие вжимались в пальто и прятали лицо в воротники и шарфы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.